

РОМАН О ТОМ, КАК ЖИЗНЬ
НАЧИНАЕТСЯ ТАМ, ГДЕ, КАЗАЛОСЬ БЫ,
ДОЛЖНА БЫЛА ЗАКОНЧИТЬСЯ

АРОМАТ НЕЗАБУДКИ

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО НАЙТИ ТОГО,
КТО ПОНИМАЕТ ТВОЁ МОЛЧАНИЕ

ВИВЬЕН НУАР

Вивьен Нуар
Аромат незабудки

«Автор»

2026

Нуар В.

Аромат незабудки / В. Нуар — «Автор», 2026

Шестьдесят лет, пенсия, Париж. Молчаливый незнакомец с чужим шарфом.
Восемь дней, которые меняют всё. И синий флакон с запахом, который
невозможно забыть.

© Нуар В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Москва	5
Глава 1. Пропуск	5
Глава 2. Хорошие мальчики	8
Глава 3. Сборы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вивьен Нуар

Аромат незабудки

Часть первая. Москва

Глава 1. Пропуск

Триста двадцать пельменей.

Я считала. Не специально — само считалось. Большой палец давит на край, указательный прищипывает хвостик, в голове щёлкает: сто восемнадцать, сто девятнадцать, сто двадцать.

Зачем триста двадцать? Хороший вопрос.

Придёт восемь человек. Это сорок на душу. Нормально? Нормально. Даже много. Но руки уже месяц следующую порцию теста, и я не останавливаю.

Просто не знаю, чем ещё заняться.

Вот в чём дело.

* * *

Сегодня был последний рабочий день.

Тридцать один год. Именно столько я проработала в одной организации. Пришла в двадцать девять — молодая, в туфлях на каблучке, с дипломом и ощущением, что жизнь только начинается. Уходила сегодня — в удобных полуботинках, с личными вещами в пакете из супермаркета и конвертом в сумке.

Конверт плотный. Тяжёлый. Премия за выслугу — так сказал Николай Петрович, директор. Сказал хорошо: про вклад, про годы, про то, что таких сотрудников больше не делают. Кто-то в зале зааплодировал. Коллега Люда — та самая, которая не разговаривала со мной года три после одной давней истории с отчётом — Люда заплакала первой.

Вот как бывает.

Я стояла и улыбалась. Хорошо улыбалась — я умею. Тридцать один год практики.

Потом попросили сдать пропуск.

Я достала его из кармана. Маленький, потёртый, с фотографией, где мне сорок два и причёска совсем другая. Положила на стойку охраны. Охранник Гриша — молодой, всегда здоровается первым — взял пропуск двумя руками. Почему-то двумя. Как что-то ценное.

Или как что-то окончательное.

— Всего доброго, Тамара Ивановна, — сказал он.

— И тебе, Гриша.

Вышла. Дверь за спиной закрылась.

Ну вот.

* * *

Домой я шла пешком.

Не потому, что далеко — две остановки на автобусе, семь минут. Просто не хотелось в автобус. Не хотелось стоять, держась за поручень, и чувствовать, как чужие локти давят в бока.

Шла медленно. Первый раз за тридцать один год никуда не опаздывала.

Странное ощущение.

Мимо парка — там уже голо, октябрь выдул последние листья, только мокрые скамейки и голуби с видом глубоко оскорблённых людей. Мимо аптеки — в витрине новая акция, градусники со скидкой. Мимо булочной.

У булочной я остановилась.

Двадцать лет я заходила сюда каждое утро по дороге на работу. Круассан или плюшка с маком — зависело от настроения. Чаще плюшка. Они здесь особенные — хрустящие сверху и мягкие внутри, и всегда тёплые до половины восьмого.

Было восемь вечера. Дверь закрыта. В витрине темно.

Я смотрела на своё отражение в тёмном стекле.

Женщина в тёмном пальто. Пакет из супермаркета в руке. Прямая спина — это я умею, мама приучила. Никуда не спешит.

Совсем никуда.

Постояла. Пошла дальше.

* * *

Дома разделась, повесила пальто, поставила чайник.

Пока закипал — сидела за столом и смотрела на конверт. Не открывала. Там деньги, я понимаю. Хорошие, наверное. Николай Петрович намекал — «достойная сумма». Но открывать не хотелось. Как будто пока не открыла — это ещё не совсем по-настоящему.

Глуно. Мне шестьдесят лет, а не семь.

Чайник свистнул. Я встала, заварила чай, подошла к окну.

За окном — двор, фонари, лавочка, на которой летом сидят старушки. Сейчас пусто. Дождь начинается — мелкий, противный, осенний.

И что теперь?

Это был главный вопрос. Простой, как всё главное, и совершенно непонятный.

Тридцать один год у меня было расписание. Подъём в шесть тридцать. Завтрак. Булочная. Автобус. Работа — с девяти до шести, иногда до восьми, иногда в выходные. Домой. Ужин. Книга или телевизор. Сон. И снова.

А теперь?

Теперь подъём в шесть тридцать — зачем? Булочная — но я не успею до открытия, то есть успею, то есть у меня теперь всегда есть время... Работа — нет работы. Расписание — нет расписания.

Ничего нет.

«Ну и хорошо», — сказала я себе.

Не очень убедительно получилось.

* * *

Тогда я достала муку.

Не знаю почему пельмени. Наверное, потому что это долго. Потому что руки заняты. Потому что, когда лепишь — надо думать только о том, чтобы края сходились ровно, и ни о чём больше думать не получается.

Тесто я делаю по маминому рецепту. Два яйца, стакан воды, щепотка соли. Вымешивать до тех пор, пока не перестанет липнуть. Мама говорила: тесто чувствует настроение, если нервничаешь — оно рвётся. Не знаю, правда ли это, но тесто сегодня получилось хорошим. Гладким, послушным, тёплым в руках.

Значит, я не нервничаю. Значит, всё в порядке.

Или тесто просто тесто, и никакого настроения оно не чувствует.

Фарш — говядина со свининой, лук через мясорубку, перец, немного мускатного. Мама добавляла ещё ложку холодной воды прямо в фарш — для сочности. Я добавила.

Раскатала первый пласт. Взяла стакан, начала вырезать кружки.

Сто один, сто два...

За окном совсем стемнело. Дождь шёл уже нормальный — слышно было, как барабанит в стекло. В кухне тепло, пахнет мясом и тестом. Радио я не включила — обычно включаю, а сегодня не захотелось. Только тишина, только дождь, только щелчки в голове.

Двести семь, двести восемь...

*Завтра приедут мальчики, — думала я. — Сергей привезёт Олю и Сонечку. Гена с Алиной** будут без **детей**ь**. Накрою на стол, сварю пельмени, достану прошлогоднее варенье — Сонечка любит с чаем. Будет шумно. Будет хорошо.*

Будет хорошо.

Я повторила это ещё раз — про себя, потому что вслух было бы совсем уж странно разговаривать самой с собой на кухне в половине одиннадцатого.

Триста восемнадцать, триста девятнадцать, триста двадцать.

Готово.

Я выложила последний пельмень на присыпанный мукой поднос, распрямила спину — чуть хрустнуло, это с некоторых пор норма — и посмотрела на ряды белых аккуратных штук.

Триста двадцать пельменей.

Зачем-то я теперь пенсионерка.

Вымыла руки. Поставила чайник снова. Достала конверт с премией — всё-таки открыла. Пересчитала. Николай Петрович не соврал — сумма достойная.

Положила обратно.

Выпила чай. Легла.

Долго смотрела в потолок.

И что теперь?

Потолок ничего не ответил. Потолок вообще никогда ничего не отвечает — я проверяла.

Заснула около двух.

Глава 2. Хорошие мальчики

Сыновья приехали в субботу в половине второго.

Сначала — Сергей. Позвонил в дверь три раза подряд, как всегда, с детства, будто один звонок — это несерьёзно. За ним вошла Оля с Сонечкой. Потом, через двадцать минут, Гена с Алиной — те всегда немного опаздывают, это уже традиция, я перестала ждать их вовремя лет десять назад.

Квартира сразу стала другой.

Голоса, топот, запах Алиных духов — она всегда душится так, что чувствуется с порога, — детский визг, стук сапог в прихожей. Сонечка влетела первой, бросила куртку мимо вешалки, обняла меня так, что я чуть не потеряла равновесие.

— Бабушка! Бабушка, мы торт привезли! Шоколадный! Я сама выбирала!

— Умница. Иди руки мой.

— Сейчас-сейчас! Бабушка, а пельмени есть?

— Есть.

— Ура-а-а!

Унеслась в сторону ванной, по дороге, едва не сбив Алину с блюдом в руках.

— Осторожно, — сказала Алина — спокойно, привычно, как говорят что-то, от чего давно не ждут результата.

Я взяла у неё блюдо.

— Что это?

— Салат. Греческий. Я подумала, что с пельменями будет легче, если что-то овощное.

Легче. Надо же.

— Спасибо, Алиночка, — сказала я. — Поставь на стол, там место есть.

Она поставила. Поправила волосы. Огляделась — быстро, профессионально, как человек, который привык оценивать помещение за три секунды — и улыбнулась.

Вот эта улыбка.

Я её давно изучила. Не злая — нет. Просто прохладная. Как форточка, которую открыли ненадолго. Вроде бы свежий воздух, а вроде бы и холодно стало.

— Тамара Ивановна, вы не суетитесь, — сказала она. — Мы сами всё сделаем.

— Я не сучусь, — ответила я. — Я хозяйничаю. Это разные вещи.

Алина снова улыбнулась. Чуть — самый краешек.

— Конечно.

* * *

За стол сели в три.

Сонечка немедленно залезла ко мне на колени — тяжёлая, горячая, пахнет детским шампунем и немного — улицей, осенью, тем особенным запахом, который бывает только у детей, которые только что долго шли пешком.

— Бабушка, можно я буду есть у тебя на коленях?

— Так неудобно.

— Мне удобно.

— Ладно.

Сергей разлил вино. Оля стала раскладывать пельмени по тарелкам — тихо, аккуратно, как она всё делает. Гена открыл вторую бутылку, хотя первую ещё не пили.

— Мам, — сказал он, — сколько ты их сделала?

— Триста двадцать.

— Это ты серьёзно?

— Вполне.

— Мам.

— Ешьте, пока горячие.

Он покачал головой, но промолчал. Умный мальчик — знает, когда я не намерена обсуждать.

Сонечка немедленно потребовала сметану, потом передумала и попросила кетчуп, потом снова сметану, потом все сразу.

— Соня, — сказала Оля. — Одно или другое.

— Бабушка, можно все сразу?

— Можно, — сказала я.

Оля посмотрела на меня с мягким укором. Я сделала вид, что не заметила.

Бабушкина привилегия. Это не обсуждается.

* * *

Ели, говорили. Гена рассказывал что-то про работу — они с Сергеем оба в строительстве, разные компании, иногда пересекаются на одних объектах, это всегда заканчивается спором за столом. Сегодня спора не было — они переглядывались. Несколько раз.

Я замечала. Давно научилась читать эти переглядки.

Что-то задумали.

Когда-то — лет двадцать назад — такие переглядки означали разбитое окно в школе или тройку по математике, которую скрывали до последнего. Сейчас они взрослые мужчины за сорок, у обоих дети, у обоих ипотека закрыта, и разбивать окна им уже незачем.

Но переглядываются точно так же.

— Вы что задумали? — спросила я после второй тарелки.

Оба сделали невинные лица. Это у них тоже с детства — абсолютно одинаковое выражение полной непричастности ко всему происходящему в радиусе пятисот километров.

— Ничего, мам.

— Врёте.

— Мам.

— Ладно. После торта скажете.

Алина чуть приподняла бровь — один миллиметр вверх, не больше. Смотрела в свою тарелку.

Она уже знает. Значит, что-то серьёзное — Гена советовался с женой заранее. Он советуетсся с ней заранее только когда немного побаивается моей реакции.

Интересно.

* * *

Торт резала Сонечка — торжественно, двумя руками, высунув язык от концентрации. Шоколадный, с вишней, немного съехавший набок, потому что везли в метро. Сонечка объяснила, что он «немножко устал в дороге» — это было разумное объяснение.

Чай. Варенье — Сонечка сразу потянулась к малиновому, я её не остановила. Оля вполголоса сказала что-то про сахар, Сонечка не услышала или сделала вид.

Правильно.

Гена поставил чашку. Сергей кашлянул. Переглянулись последний раз.

— Мам, — начал Гена.

— Уже говори.

— Мы тебе подарок сделали. К выходу на пенсию. Мы долго думали.

— Верю, — сказала я. — Судя по переглядкам — с прошлой недели минимум.

Сергей засмеялся. Гена не улыбнулся — значит, волнуется по-настоящему.

Он полез во внутренний карман пиджака и достал конверт. Белый, плотный, с логотипом авиакомпании в верхнем углу.

Положил на стол передо мной.

Я смотрела на конверт. Не брала.

— Открой, — сказал Гена.

Открыла.

Билеты. Два — туда и обратно. Москва — Париж — Москва. Дата вылета через три недели. К билетам — распечатка бронирования отеля. Центр города, хорошее название, восемь дней, завтрак включён.

Я читала медленно. Потом ещё раз.

Париж.

— Ты всегда говорила — когда-нибудь хочу в Париж, — сказал Сергей. Немного торопливо, как человек, который заготовил объяснение и теперь боится не успеть его произнести. — Помнишь? Ещё когда мы маленькие были, ты показывала журнал какой-то, с фотографиями...

— «Вокруг света», — сказала я.

— Вот. Мы помним. Мам, у тебя теперь есть время. Мы хотели, чтобы ты... ну. Отдохнула. По-настоящему.

Тишина.

Сонечка перестала есть торт. Смотрела на меня большими глазами — чувствовала напряжение, дети всегда чувствуют.

— Бабушка, — прошептала она. — Это Париж. Там Эйфелева башня.

— Я знаю, солнышко.

— Ты поедешь?

Я смотрела на билеты.

Одна. Они купили один билет. Конечно — это же мой подарок, не их поездка. В незнакомый город, где всё по-французски, а мой французский — это «бонжур» и «мерси» и на этом, в общем-то, всё.

*Мне шестьдесят лет. Я только что **остави**ла работу, которая была смыслом последних тридцати одного года. И мне предлагают лететь в Париж.*

Одной.

— Тамара Ивановна, — сказала Алина. Голос лёгкий, почти небрежный — так говорят, когда слова уже давно готовы, осталось только произнести. — Вам будет что рассказать подружкам. «Я в Париже». Очень современно.

Она чуть улыбнулась своей прохладной улыбкой.

Никто не засмеялся.

Гена посмотрел на жену. Быстро, одним взглядом — я умею читать и эти взгляды. Этот означал: не надо.

Поздно.

— Спасибо, мальчики, — сказала я.

Взяла конверт. Он был лёгкий. Очень.

— Это замечательный подарок.

Сергей выдохнул — с облегчением, я слышала. Гена наконец улыбнулся. Сонечка захлопала в ладоши:

— Бабушка едет в Париж! Бабушка, привези мне Эйфелеву башню! Маленькую, она продаётся там, я видела в интернете!

— Привезу.

— И магнитик!

— И магнитик.

— И ещё один магнитик, для Маши из садика, она тоже хочет!

— Соня, — сказала Оля.

— Ладно, — сказала я, — и для Маши из садика.

Все засмеялись. Всё стало хорошо — шумно, тепло, по-семейному. Гена разлил ещё вина, Сергей начал рассказывать что-то смешное про коллегу, Сонечка вернулась к торту.

Я держала конверт и улыбалась.

Никто не заметил, что я улыбнулась только сейчас — когда все уже засмеялись.

Никто не спросил: мам, ты хочешь? Не — вот тебе билеты. А именно: хочешь? Страшно? Одна не боишься?

Никто не спросил.

Я убрала конверт в карман. Взяла чашку. Допила чай — он уже остыл.

За окном темнело — октябрь, в пять уже сумерки. Сонечка рассказывала что-то про садик, Алина убирала тарелки — она всегда убирает тарелки раньше, чем все доели, это её способ контролировать ситуацию, я давно поняла.

— Тамара Ивановна, давайте я помогу, — сказала она, забирая у меня чашку.

— Не надо, Алиночка. Я сама.

— Вы отдыхайте.

Вот оно.

Вот это слово.

Отдыхайте.

Как будто я теперь — человек, который отдыхает. Которого отодвинули в сторону, поставили в кресло, накрыли пледом.

Отдыхайте, Тамара Ивановна. Вы своё отработали.

Я встала.

— Пойду поставлю чайник, — сказала я.

Пошла на кухню. Включила воду. Стояла и смотрела, как льётся из крана.

В кармане лежал конверт с билетами в Париж.

Ну и что теперь с этим делать?

* * *

Уехали около девяти.

Сонечка уснула на диване — Сергей унёс её уже в куртке, она не проснулась. Гена помог вымыть посуду — неловко, он никогда этого не умел, зато старался. Оля собрала со стола оставшееся, завернула в плёнку, сложила в холодильник — чётко, аккуратно, как всё, что она делает.

Алина надела пальто. Поцеловала меня в щёку — сухо, быстро, как ставят подпись под документом.

Гена обнял крепко.

— Мам, ну как ты?

— Хорошо.

— Правда?

— Правда, Гена. Иди, Алина ждёт.

Он ещё секунду смотрел на меня. Что-то хотел сказать — я видела. Не сказал.

— Ты позвони, если что.

— Позвоню.

Закрыла за ними дверь.

* * *

Тишина.

Такая, какая бывает только когда все ушли и ещё не успело выветриться — голоса, духи, детский смех, запах еды. Всё ещё висит в воздухе, но уже начинает таять.

Я прошла в кухню. Села за стол. Достала конверт. Положила перед собой.

Билеты. Отель. Восемь дней. Через три недели.

Париж.

Я вспомнила тот журнал — «Вокруг света», восемьдесят восьмой или восемьдесят девятый год. Большая фотография на развороте: набережная Сены, мокрые камни, огни в воде. Я тогда показала мальчикам — им было лет по восемь и десять — и сказала что-нибудь вроде: вот бы когда-нибудь.

Они запомнили.

Через тридцать с лишним лет — купили билеты.

Хорошие мальчики.

Я сидела и смотрела на конверт. За окном шёл дождь — снова или всё тот же, непонятно. Холодильник гудел. Где-то наверху ходили соседи.

Мне было шестьдесят лет. У меня была премия в конверте в сумке, билеты в Париж в конверте на столе, и совершенно не было понимания — что теперь делать с тем и с другим.

Я встала. Убрала билеты в ящик стола — туда, где лежат важные документы. Вымыла последнюю чашку. Выключила свет на кухне.

Пошла в спальню.

Легла.

Потолок снова ничего не отвечал — я уже не ждала.

Париж так Париж.

Заснула быстро — первый раз за последние дни без долгого лежания в темноте. Может, пельмени помогли. Триста двадцать штук — это, знаете ли, серьёзная работа. После такого спится.

Глава 3. Сборы

Три недели — это много или мало?

Раньше я бы сказала: много. Три недели — это пять рабочих отчётов, два совещания с директором, одна командировка в лучшем случае. Три недели — это целая жизнь.

Сейчас я смотрела на календарь и думала: катастрофически мало.

Я совершенно не готова.

* * *

Первые три дня я делала вид, что всё нормально.

Вставала в шесть тридцать — по привычке, будильник даже не нужен, тело само. Заваривала кофе. Садилась к окну. Смотрела, как двор просыпается: сначала дворник с метлой, потом собачники, потом торопливые люди с портфелями и рюкзаками.

Раньше я была одним из них.

Теперь сидела у окна с кофе и смотрела.

«Ну и хорошо», — говорила я себе каждое утро. — Заслужила.

На четвёртый день позвонила Люда.

Люда — моя подруга со второго курса института, сорок лет знакомства, она единственный человек на свете, которому я могу сказать всё что думаю и не получить в ответ совет записаться к психологу. Люда сама немного психолог — не по образованию, по характеру. Слушает, не перебивает, а потом говорит что-нибудь такое точное, что хочется одновременно обняться и стукнуть её чем-нибудь мягким по голове.

— Тамара. Ну как ты?

— Нормально.

— Тамара.

— Люда, я сказала — нормально.

— Ты третий день не отвечаешь на сообщения.

Это потому, что не знаю, что отвечать.

— Телефон на беззвучном, — сказала я.

— Ага. И в трёх группах в WhatsApp ты не читаешь сообщения с пятницы. Там уже волнуются.

— Пусть не волнуются. Всё хорошо.

Пауза. Люда умеет делать такие паузы — не давящие, а ждущие. Как открытая дверь: хочешь — войди, не хочешь — не заходи, но дверь открыта.

— Мальчики купили мне билеты в Париж, — сказала я.

Молчание. Другое — удивлённое.

— В Париж?

— На восемь дней. Через три недели лечу.

— Тамара. Одна?

— Одна.

— Ты с ума сошла ехать одна?

Вот именно это я и пытаюсь понять.

— Люда, — сказала я терпеливо, — мне шестьдесят лет. Я тридцать один год ездила в командировки одна. Я справлюсь с Парижем.

— Командировки это другое! Там тебя встречали, там была гостиница от организации, там всё было понятно. А тут — чужой город, всё по-французски...

— Бонжур и мерси я знаю.

— Тамара!

— Люда, — сказала я, — я уже сказала сыновьям спасибо. Я уже взяла билеты. Поздно обсуждать.

Короткая пауза.

— Ладно, — сказала Люда другим голосом — тем, который означает: спорить не буду, но своё мнение оставлю при себе до поры. — Тогда давай я приеду помогу собраться.

— Не надо.

— Тамара.

— Люда, я соберусь сама. Я взрослый человек.

— Ты взрослый человек, который ни разу в жизни не был в Европе и не знает, что туда берут.

Это правда. Обидная, но правда.

— В интернете напишут, — сказала я.

— В интернете пишут брать восемь пар обуви и вечернее платье. Ты поедешь гулять по Парижу или на приём к президенту?

Я засмеялась. Не хотела, но засмеялась — Люда умеет это делать, вытащить смех даже когда совсем не до него.

— Приезжай в среду, — сказала я. — После трёх.

* * *

Люда приехала в среду в половине третьего — на полчаса раньше, чем договорились, потому что она всегда приезжает раньше, чем договорились, это её способ показать, что дело серьёзное.

Она вошла, огляделась, увидела раскрытый чемодан посреди спальни и сложенные рядом стопки вещей — и остановилась.

— Тамара. Это что?

— Собираюсь.

— Ты собрала всё содержимое шкафа.

— Не всё. Зимнее пальто не взяла.

Люда подошла к чемодану. Потрогала. Приподняла угол — крикнула.

— Это уже сейчас весит килограммов двадцать. А ты ещё не всё положила.

— Я не знаю, что там нужно. Вдруг похолодает.

— Октябрь в Париже — плюс четырнадцать, плюс шестнадцать. Не Антарктида.

— А вдруг дождь?

— Зонт возьми.

— Я взяла два.

Люда посмотрела на меня. Долго.

— Ты нервничаешь, — сказала она.

— Я собираюсь.

— Ты нервничаешь и укладываешь в чемодан всё подряд, потому что не знаешь, как контролировать ситуацию, и пытаешься контролировать хотя бы чемодан.

Вот за что я её одновременно люблю и хочу иногда стукнуть чем-нибудь мягким по голове.

— Люда, — сказала я, — ты помогать приехала или диагнозы ставить?

— Одно другому не мешает. Давай сначала выложим всё, а потом сложим заново — только то, что реально нужно.

Мы сели на пол — Люда легко, я с некоторым усилием и тихим хрустом в коленях, который предпочитаю не комментировать — и стали разбирать.

Три пары брюк. Люда отложила одну.

— Тамара, ты едешь на восемь дней, не на восемь недель.

— Вдруг испачкаюсь.

— Одну запасную — достаточно.

Пять свитеров. Люда отложила три.

— Два свитера плюс то, что наденешь на себя.

— А если будет холодно?

— Плюс четырнадцать — это не холодно, это осень. Надевай слоями.

Шерстяные носки — четыре пары. Люда взяла в руки, посмотрела на меня с таким выражением, что я сама засмеялась.

— Ноги мёрзнут, — объяснила я.

— Одну пару. В самолёт. И всё.

— Люда...

— Тамара. Одну.

Потом нашли крем для рук — три тюбика. Люда оставила один. Зонты — оставила один. Аптечку — это Люда не трогала, молча отложила в сторону, потому что знает: с аптечкой я не торгуюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.